М. О. ГАРДЕР

Гардер Михаил Олегович
аспирант, Центр типологии и семиотики фольклора,
Российский государственный гуманитарный университет
Россия, 125993, ГСП-3, Москва, Миусская пл., 6
Тел.: + 7 (495) 250-69-31
E-mail: mike.garder@gmail.com

ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ «МЕХАНИЗМОВ ПЕРЕДАЧИ» КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ

Аннотация. Статья посвящена проблеме поиска механизмов передачи «культурной памяти», сформулированной С. Ю. Неклюдовым. На примере работ социологов, антропологов, историков и психологов-когнитивистов рассматриваются различные аспекты изучения коллективной памяти: конструируемый характер памяти коллектива и взаимодействие множества коллективно обусловленных памятей, «историческая точность» памяти и ее нарративная организация. Привлекаются данные нейропсихологических исследований, которые позволяют увидеть методику и границы экспериментального изучения трансформации памяти в коммуникации. Обсуждаются перспективы выявления мнемонических механизмов фольклорных текстов. Исследования коллективной памяти ограничены коммуникативными рамками (временным пределом нескольких поколений), а перспективы изучения предположительно более глубокой культурной памяти видятся в совокупном применении методов текстового анализа и социолого-антропологических исследований коллективной (коммуникативной, следуя определению Я. Ассмана) памяти.

Ключевые слова: коллективная и культурная память, исследование памяти, фольклористика

В рамках этой статьи предлагается сделать краткий обзор области, называемой коллективной памятью[1]. Исходным запросом для составления обзора назовем проблему, которой посвящена статья С. Ю. Неклюдова, а именно:

[1] Граница между понятиями *культурная* и *коллективная память* едва ли определима, поэтому условимся, что в этой статье, если не сказано иначе, они употребляются как синонимы. Уточним, что, например, Алейда Ассман проводит различие между социальной и культурной памятью: «То, что можно реконструировать в качестве социальной памяти, не имеет прочной и стабильной формы, социальная память представляет собой динамичный процесс торга и согласований; а вот медиаторы культурной памяти характеризуются устойчивостью, закрепленной институционально» [Ассман 2014: 29]. Первый тип памяти Ян Ассман называет коммуникативной [Ассман 2004: 52–53].

© М. О. ГАРДЕР

> …Постоянны не только темы как таковые (содержательный аспект текста, его семантика), но и их композиционная реализация (синтактика), диктуемая своими «управляющими программами», которые опять-таки не формулируются (~ не обязательно формулируются) в виде «инструктивных» сообщений; одним из важных факторов сохранения подобных программ, возможно, являются все те же «семантические перспективы» мотивопорождающих единиц. Без таких программ едва ли возможно и многократное копирование текстов с устойчивым сохранением инвариантных смыслов, противостоящим их чрезмерному «раскачиванию», которое в конечном счете должно привести к полной утрате идентичности предшествующих и последующих воспроизведений текста.
>
> Дальнейшее изучение механизмов сохранения «культурной памяти» в устной традиции, как и связанных с этим закономерностей фольклорной текстуализации, по-видимому, должно происходить на междисциплинарном поле, с использованием инструментария общей психологии и физиологии высшей нервной деятельности [Неклюдов 2013: 15].

Я попытаюсь выделить набор тем, характерных для исследований коллективной памяти, и описать основные методы и парадигмы. К обзору будут привлечены некоторые работы социологов, историков и антропологов, а также несколько работ когнитивных психологов и нейропсихологов, посвященных механизмам памяти. Отмечу, что я пользовался обзорами [Olick, Robbins 1998] и [Zelizer 1995], к которым отсылаю для более информативного чтения по вопросам коллективной памяти. Поскольку моя статья нисколько не претендует на полное описание этой стремительно разрастающейся области, акцент ставится на общих методологических перспективах и ограничениях.

Как известно, начало изучению памяти как коллективного феномена положил М. Хальбвакс, споривший с З. Фрейдом, который понимал память как хранилище всех предыдущих опытов личности, а также с А. Бергсоном, который жестко разграничивал индивидуальное и социально обусловленное в психике [Хальбвакс 2007: 35, 73, 135–140]. Хотя монография Хальбвакса, как пишет С. Н. Зенкин, относится частично к психологии, а частично к «спекулятивно-теоретической социологии, переходящей к социальной философии» [Зенкин 2007: 8–9], она стала отправной точкой для исследователей коллективной памяти: в ней мы находим идеи о важности памяти для идентичности и неразрывной связи с ней [Хальбвакс 2007: 125], о рождении воспоминаний в какой-либо из «зон социальной жизни» [Там же: 153], о реконструируемом (в противоположность точному) характере воспоминаний [Там же: 71–72].

Несмотря на «трансдисциплинарность и отсутствие парадигмы» в изучении коллективной памяти [Olick, Robbins 1998: 106], набор проблем, обсуждаемых исследователями, довольно устойчив. Социологи, историки и антропологи показывают влияние коллективных идентичностей, кото-

рые диктуют или «правят» воспоминания и при этом обеспечивают наличие множества коллективно поддерживаемых памятей у каждого человека. Барбара Мишталь посвятила свою теоретическую статью [Misztal 2005] уточнению функциональной парадигмы Дюркгейма, применяемой в социологических исследованиях групповой памяти и групповой идентичности. Подход Дюркгейма, по мнению Б. Мишталь, существенно ограничивает то, что в его рамках, во-первых, коллективная память рассматривается в отрыве от индивидуальных мыслительных процессов, во-вторых, делается акцент прежде всего на навязывании памяти индивиду социально-политическими институтами (на исследования в этом направлении сильно повлияла работа Э. Хобсбаума об изобретении традиции), а также в приписывании памяти нормативной функции и роли групповой морали. Эти недостатки Мишталь предлагает исправить с помощью интеракционистского подхода: через теорию личности Дж. Г. Мида и методику фрейм-анализа Э. Гоффмана она приходит к пониманию памяти как динамичного процесса — с этой точки зрения человек постоянно находится перед выбором, что вспоминать и как определить текущую ситуацию в зависимости от принимаемого образа самого себя. Безусловно, такое понимание феномена памяти предостерегает исследователя от излишних обобщений, перемещая фокус со схем и моделей воспоминания, валидных для группы, на сложно устроенное и не всегда поддающееся анализу динамическое состояние памяти отдельного человека.

«Редактируемость» текста, принадлежащего коллективной (институциональной) памяти, на примере генеалогий гонджа (северная Гана) показал Джек Гуди: согласуясь с делением государства гонджа, генеалогическое предание о его основателе Ндевуре Джакпа сообщало, что тот разделил страну на семь частей по количеству своих сыновей. Такова была первая версия предания, записанная в начале XX в. британцами, когда их контроль распространился на территории гонджа. Но с прибытием британцев в территориальном делении земель гонджа произошли изменения, и крупных единиц, возглавляемых «потомками Джакпы», осталось только пять. Спустя 60 лет, когда предание было записано вновь, в нем речь шла уже о пяти сыновьях Ндевуры. На этом примере Гуди основывает утверждение о функции генеалогий в бесписьменной культуре, которая заключается не в фиксации и передаче исторически подлинной последовательности событий, а в констатации актуальной структуры общества (хотя вся «механика» этой несложной замены в устном тексте, как и распространенность самого текста среди гонджа, Гуди не описывает). Основываясь на пример [Goody, Watt 1963: 310].

Если мы перенесемся из северной Ганы в Европу и постсоветские страны, то здесь мы найдем множество доступных примеров сложно устроенных явлений из области коллективной памяти. Рассмотрим исследование Джеймса Вертша [Wertsch 2008] о конфликте вокруг переноса памятника «Бронзовый солдат» в Таллине. По словам Вертша, для обеих сторон

памятник оказался воплощением двух разных историй, разных памятей о прошлом, которые организованы в нарративы. Для эстонской стороны конфликта, одобряющей перенос, памятник был частью истории утраченной независимости, которая замалчивалась в советское время. Для российской стороны (под которой в своей статье Вертш имеет в виду только противников переноса) памятник символизировал непрерывность, истинность нарратива «об изгнании иноземного захватчика»; перенос «Бронзового солдата» был воспринят носителями этого нарратива как опровержение его правдивости и как знак принятия эстонцами стороны антагониста, фашистской Германии. Вертш показывает структурную устойчивость нарратива об изгнании: мирная Россия не вмешивается в дела других государств — враг вероломно вторгается в Россию — Россия едва не терпит полное поражение — Россия одерживает героическую победу, изгоняет врага и подтверждает статус великой державы. Эту структуру автор называет *нарративной схемой*, которая, в свою очередь, реализуется в множестве *специфических нарративов*. Последним присуща конкретика: цифры, определенный контекст, имена и т. п. Специфические нарративы сильнее подвержены изменениям, в то время как нарративная схема «глубинна», поскольку остается незаметной и естественной для носителя, она дает возможность «знать» события, участником которых человек не был. Так, по версии советских учебников истории, пишет Вертш, ведущую роль в «изгнании иноземного захватчика» во время войны сыграли партия и коммунисты. В учебниках по истории, выпущенных после перестройки, героическую роль вместо коммунистов и партии играет народ; смена идеологической модальности происходит относительно безболезненно при сохранении этой главной роли народа-победителя. В статье «глубина» нарративных схем и ключевые факторы в их формировании не рассматриваются — Вертш ограничивается указанием на их «глубокий эмоциональный резонанс» и фундаментальную значимость для групповой идентичности, хотя очевидно, что многим (особенно конкретными формулировками наподобие «вероломно») выделенная нарративная схема обязана тому нарративу, который по самым разным каналам централизованно транслировался государством.

В качестве примера более детального исследования приведем кейс из статьи Н. В. Петрова о деревенском празднике «День Исполина» [Петров 2016]. В работе рассматривается история сконструированного деревенского праздника, в основу которого легло знание локальной традиции о некоем Исполине — первопоселенце, «основателе» деревни Исполиновка. Имя Исполина (по-видимому, действительно существовавшего первого жителя деревни по фамилии Исполинов) закрепилось в памяти жителей благодаря самому названию деревни и существованию «дома Исполина» (так называли брошенное здание бывшего волостного правления). В конце 1990-х годов локальное знание оказалось востребованным: культработники придумали «обрядовую» программу праздника и назвали его Днем Исполина. Используя фольклорную модель, создали предание о выборе

Исполином понравившегося места для дома и о происхождении названия поселка Хозьмино от имен выдуманных дочерей Исполина, Хозы и Миноры, и тем самым обосновали и статус праздника, и статус поселка — административного центра муниципального образования, в которое входит Исполиновка. На тему схематического предания, придуманного заведующим клубом (Исполин основал Исполиновку, в честь его дочерей Хозы и Миноры названо Хозьмино), местные жители пишут стихи; один из текстов, опубликованных в местном сборнике, разворачивается в полноценное стилизованное предание в прозе, имея при этом поэтическую версию. К началу 2000-х годов праздник со сконструированной предысторией и символикой населенных пунктов (Хозьмино — родина Исполина) становится локальным брендом, активно используемым для продвижения Хозьмино и Исполиновки на туристическом рынке. Кроме того, полученные в ходе исследования источников сведения об Исполинове — наиболее вероятном прототипе Исполина — вместе со сведениями о времени происхождения «легенды об Исполине» легли в основу исторической хронологии, опубликованной на сайте администрации Хозьмино.

Этот замечательный кейс наглядно демонстрирует составляющие того, что можно назвать коллективной памятью этих населенных пунктов: элемент устной истории, закрепленный в локальных топонимах (дом Исполина, Исполиновка), становится удобным инструментом пусть и не удревнения поселений, но конструирования «исторического знания» до формата полноценного этиологического нарратива, предлагаемого деревенскому сообществу и работающего «на экспорт» в качестве бренда территории. Созданное активным меньшинством[2], новое знание начинает дополнять существовавшие элементы памяти (информант пытается вспомнить имя жены Исполина) [Там же: 407] и восприниматься как краеведческий источник [Там же: 428–429].

Механизмам памяти было посвящено также несколько психологических работ. Ульрик Найссер посвятил статью экспериментам по социальной и контекстуальной обусловленности искажений памяти [Neisser 1997]. Эксперимент Эрика Айка и его коллег показал зависимость ретроспективной оценки пациентами уровня головной боли от ее интенсивности в момент оценивания. Для этого пациентов просили каждый час отмечать, насколько сильна боль по десятибалльной шкале, а затем, во время визита психологов, указать ее интенсивность в данный момент и в определенные моменты периода наблюдений. Сравнение оценок, показало, что характерным было общее завышение ретроспективных оценок у пациентов, испы-

[2] См. также цитату из Яна Филиппа Реемтсма у А. Ассман относительно создания мемориалов: «речь от первого лица множественного числа носит метафорический характер ‹…› Мемориалами — как и вопросом, зачем они сооружаются и что с ними будет, — также интересуется меньшинство людей. Но это то меньшинство, которое отстояло свои интересы таким образом, будто оно является активным большинством, хотя последнее на самом деле лишь попустительствовало произошедшему» [Ассман 2016: 26].

тывавших очень сильную боль, и, наоборот, занижение при относительно низком уровне боли. Другой эксперимент, в ходе которого пациенты отмечали интенсивность боли до лечения, а затем оценивали его ретроспективно после прохождения терапии, продемонстрировал занижение данных оценок — этот результат Найссер считает проявлением «имплицитных теорий», т. е. изначального представления пациента об эффективности пройденного лечения.

Далее Найссер приводит данные о верификации теории «ярких воспоминаний» (flashbulb memories, «воспоминаний-вспышек»), принадлежащей американским исследователям Роджеру Брауну и Джеймсу Кулику [Brown, Kulik 1977]. Согласно этой теории, новость о вызывающем удивление и влекущем значимые последствия событии не просто запоминается, а заставляет запомнить непосредственный контекст, в котором новость была воспринята. Высокие показатели перечисленных параметров события (удивление и важность) влияют на закрепление памяти об услышанной новости, что является результатом действия сформировавшегося нейробиологического механизма (который бихевиорист Р.° Б.°Ливингстон назвал «Печатай!» — это метафора для команды, выполняемой нервной системой при соответствующих обстоятельствах, т. е. когда ситуация или новость вызывает удивление и представляет непосредственную биологическую важность для индивида — влияет на вероятность выживания и продолжения рода). Испытуемым предлагалось ответить на вопрос «Помните ли вы обстоятельства, в которых вы впервые услышали о?..», далее следовал список из девяти новостей, а десятым пунктом было указано «личное шокирующее событие, смерть друга или родственника, несчастный случай, диагноз, подтверждающий смертельное заболевание…». Случаи, когда информант сообщал подробный контекст получения новостей (ощущения, место, окружающие люди, источник новости), определялись авторами как «воспоминания-вспышки». Найссер проверил эту теорию дважды: в ходе первого эксперимента на следующий день после крушения шаттла «Челленджер» информантов попросили описать обстоятельства, в которых они услышали о крушении. Проведя повторный опрос три года спустя (также о крушении шаттла), исследователи обнаружили, что многие воспоминания оказались замещенными: вместо изначального «услышал от друга» появлялись воспоминания о новостных передачах и т. п. Найссер предположил, что эта новость для многих людей оказалась недостаточно важной и эмоционально переживаемой, и совместно с коллегами провел другой эксперимент. Через несколько дней после землетрясения Лома-Приета в 1989 г. в двух калифорнийских городах, Беркли и Санта-Круз, где толчки ощущались с разной степенью интенсивности, а также в Атланте, где о землетрясении люди узнали только из новостей, ученые попросили несколько десятков человек заполнить опрос. Информантам в Беркли и Санта-Круз было предложено описать, что происходило во время землетрясения, и оценить свою эмоциональную реакцию, а людям в Атланте

было необходимо ответить, как (в каких обстоятельствах) они услышали новость. Спустя полтора года опрос был проведен с теми же людьми повторно: в отличие от информантов в Атланте, жители Беркли и Санта-Круз довольно точно повторили сообщенное в ходе первого опроса. Учитывая тот факт, что многие участники первого опроса в Беркли и Санта-Круз отмечали невысокий уровень эмоциональных переживаний, а некоторые и вовсе указали, что не заметили землетрясение, Найссер отверг гипотезу о влиянии на запоминание именно стресса. По его мнению, ключевую роль сыграла неординарность события (землетрясение Лома-Приета нанесло весьма ощутимый ущерб Калифорнии, было несколько десятков погибших), которая заставила людей непрерывно пересказывать произошедшее, в особенности сам момент землетрясения. Таким образом, делает вывод Найссер, социальная ситуация, интерес сообщества к нарративу о землетрясении обусловил его закрепленность в памяти и не позволил воспоминаниям замениться.

Исследование, проведенное американскими нейропсихологами [Chan, LaPaglia 2013], описывает условия, необходимые для замещения фрагментов декларативной памяти. Эксперимент заключался в показе испытуемым фильма и последующей попытке заместить воспоминание об одном кратком фрагменте памятью о новом (ложном) фрагменте. Результат показал, что долгосрочное замещение возможно, только если демонстрация ложного фрагмента происходила в короткий временной промежуток (*окно реконсолидации*) только при условии предварительной активации воспоминания испытуемого о первоначальном фрагменте. Если период между активацией воспоминания и демонстрацией ложного фрагмента выходил за предполагаемые рамки окна реконсолидации, замещения не происходило. Поскольку реконсолидация, или закрепление воспоминания, происходит именно в результате его активации, демонстрация ложного фрагмента при отсутствии этапа активации воспоминания также не приводила к замещению. Кроме того (хоть это и кажется очевидным), устанавливается важность категории информации, предлагаемой на замену: так, если при соблюдении прочих условий (наличие фазы реактивации и соблюдение временных рамок окна реконсолидации) в эпизоде «террорист нейтрализует стюардессу» возможна замена шприца на электрошокер, то представление нерелевантной информации не влияет на последующее корректное воспроизведение памяти о фрагменте.

Наконец, в завершение хотелось бы обратиться к памяти текстуальной. Основательное исследование мнемотехнических механизмов, действующих в ритмизованных поэтических фольклорных текстах, принадлежит Дэвиду Рубину [Rubin 1995], резюме — [Rubin 2009]. Он подробно рассматривает механизмы внутренней организации текста с точки зрения мнемотехники: тексты трех жанров (считалок, баллад и эпических текстов) обладают широким спектром инструментов, ограничивающих исполнителя. Наиболее сильно (благодаря краткости, рифме, ритмической и

аллитерационной организации) ограничивает возможности для замен считалка, хотя она наиболее лояльна к смысловым заменам. Баллады также обладают целым набором ограничений, среди которых, разумеется, рифма и ритмическая организация, а кроме того — использование в основном коротких, одно-двусложных, слов, оперирование максимально конкретными образами (отсутствие рассуждений или абстрактных описаний) и преобладание в сюжете динамики над статикой [Rubin. 1995: 251, 278–279]. Весьма скрупулезное и последовательное исследование Рубина демонстрирует структуру ритмизованного поэтического текста, которая такова именно благодаря устной природе передачи такого текста. Эти выводы, однако, мало применимы к исследованию устных нарративов: непоэтические (и не имеющие статус сакральных, разумеется) тексты в разы слабее ограничивают исполнителя в применяемых языковых средствах.

Этим обзором я не стремился охватить всю разнородную область исследований коллективной/культурной памяти — едва ли это возможно. Приведенные примеры, на мой взгляд, дают представление об имеющихся в нашем распоряжении средствах: именно коллективная коммуникативная (по Яну Ассману) память, охватывающая не более нескольких поколений, представляет собой объект изучения во множестве работ социологов, антропологов и историков (которые иногда оказываются частью изучаемого объекта, указывая ориентиры в этой области). Методология когнитивной психологии основывается на экспериментальных исследованиях процессов запоминания и воспроизведения с применением количественных методов, хотя У. Найссер, кажется, наиболее близко подошел в изучении памяти к междисциплинарности. В целом перспективным направлением видится именно совмещение текстового анализа в широких рамках, предлагаемых социологией, антропологией и историей.

Литература

Ассман 2004 — *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Ассман 2014 — *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Нов. лит. обозрение, 2014.

Ассман 2016 — *Ассман А.* Новое недовольство мемориальной культурой / Пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Нов. лит. обозрение, 2016.

Зенкин 2007 — *Зенкин С. Н.* Морис Хальбвакс и современные гуманитарные науки // Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступит. ст. С. Н. Зенкина. М.: Нов. изд-во, 2007. С. 7–24.

Неклюдов 2013 — *Неклюдов С. Ю.* Культурная память в устной традиции: историческая глубина и технология передачи // Навстречу Третьему Всероссийскому конгрессу фольклористов: Сб. науч. ст. / [Сост. и науч. ред. Н. Е. Котельникова]. М.: Гос. респ. центр рус. фольклора, 2013. С. 9–15.

Петров 2016 — *Петров Н. В.* Дело об исполине: история нарратива, человека и праздника // Genius Loci: Сб. ст. в честь 75-летия С. Ю. Неклюдова / Сост. М. В. Ахметова, Н. В. Петров, О. Б. Христофорова (отв. ред.). М.: Форум, 2016. С. 404–434.

Хальбвакс 2007 — *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступит. ст. С. Н. Зенкина. М.: Нов. изд-во, 2007.

Brown, Kulik 1977 — *Brown R., Kulik J.* Flashbulb memories // Cognition. Vol. 5. Iss. 1. 1977. P. 73–99.

Chan, LaPaglia 2013 — *Chan J. C. K., LaPaglia J. A.* Impairing existing declarative memory in humans by disrupting reconsolidation // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. Vol. 110. No. 23. 2013. P. 9309–9313

Goody, Watt 1963 — *Goody J., Watt I.* The conesequences of literacy // Comparative Studies in Society and History. Vol. 5. No. 3. 1963. P. 304–345.

Misztal 2005 — *Misztal B. A.* Memory and the construction of temporality, meaning and attachment // Polish Sociological Review. No. 149. 2005. P. 31–48.

Neisser 1997 — *Neisser U.* The ecological study of memory // Philosophical Transactions: Biological Sciences. Vol. 352. No. 1362. 1997. P. 1697–1701.

Olick, Robbins 1998 — *Olick J. K, Robbins J.* Social memory studies: From "collective memory" to the historical sociology of mnemonic practices // Annual Review of Sociology. Vol. 24. 1998. P. 105–140.

Rubin 1995 — *Rubin D. C.* Memory in oral tradition: The cognitive psychology of epic, ballads and counting-out rhymes. New York: Oxford Univ. Press, 1995.

Rubin 2009 — *Rubin D. C.* Oral traditions as collective memories: Implications for a general theory of individual and collective memory // Memory in Mind and Culture / Ed. by P. Boyer, J. V. Wertsch. New York: Cambridge Univ. Press, 2009. P. 273–287

Wertsch 2008 — *Wertsch J. V.* Collective memory and narrative templates // Social Research. Vol. 75. No. 1. 2008. P. 133–156.

Zelizer 1995 — *Zelizer B*. Reading the past against the grain: The shape of memory studies // Critical Studies in Mass Communication. Vol. 12. No. 2. 1995. P. 214–239.

In search of the "mechanics" of collective memory transmission

Garder, Mikhail O.
Postgraduate Student, Centre for Typological and Semiotic Folklore Studies, Russian State University for the Humanities
Russia, 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya Sq., 6
Tel.: + 7 (495) 250-69-31
E-mail: mike.garder@gmail.com

Abstract. The paper discusses theoretical grounds for the search of mechanisms underlying the transmission of "cultural memory," a problem posed in S. Yu. Nekliudov's paper. Several studies in sociology, anthropology, history and cognitive psychology serve as the basis for considering such facets of investigating "collective memory" as the constructed nature of

group memory and the interaction between numerous group-defined memories, the "historical accuracy" of memory and its narrative organization. We consider the results of research in neuropsychology that allow as to view the methods and limits of experimental investigation into the way memory transforms in communication. Based on D. Rubin's study, the prospects of studying mnemonic mechanisms in folklore texts are discussed. "Collective memory" research appears to be limited communicatively to studying memory in several generations at most, while it is appears that the investigation of the purportedly deeper "cultural memory" would involve a joint application of text analysis and socio-anthropological methods of collective ("communicative", following J. Assman) memory research.

Keywords: collective and cultural memory, memory studies, folklore studies

References

Assman, A. (2014). Dlinnaia ten' proshlogo: Memorial'naia kul'tura i istoricheskaia politika [The long shadow of the past: Memorial culture and historical policy] (Transl. from: Assmann, A. (2006). *Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*. München: C. H. Beck). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Assman, A. (2016). *Novoe nedovol'stvo memorial'noi kul'turoi* [The new discontent with memorial culture] (Transl. from: Assmann, A. (2013). *Das neue Unbehagen an der Erinnerungskultur. Eine Intervention.* München: C. H. Beck). Moscow: Novoe literaturnoie obozrenie. (In Russian)

Assman, Ia. (2004). Kul'turnaia pamiat': Pis'mo, pamiat' o proshlom i politicheskaia identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti [Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in ancient high cultures] (Transl. from: Assmann, J. (1992). *Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen.* München: C. H. Beck). Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Brown, R., Kulik, J. (1977). Flashbulb memories. *Cognition*, *5*(1), 73–99.

Chan, J. C., LaPaglia, J. A. (2013). Impairing existing declarative memory in humans by disrupting reconsolidation. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, *110*(23), 9309–9313.

Goody, J., Watt, I. (1963). The consequences of literacy. *Comparative Studies in Society and History*, *5*(3), 304–345.

Khal'bvaks, M. (2007). *Sotsial'nye ramki pamiati* [The social frameworks of memory] (Transl. from: Halbwachs, M. (1952). *Les cadres sociaux de la mémoire*. Paris: Presses Universitaires de France). Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russian).

Misztal, B. A. (2005). Memory and the construction of temporality, meaning and attachment. *Polish Sociological Review*, no. 149, 31–48.

Neisser, U. (1997). The ecological study of memory. *Philosophical Transactions of the Royal Society of London B: Biological Sciences*, *352*(1362), 1697–1701.

Nekliudov, S. Yu. (2013). Kul'turnaia pamiat' v ustnoi traditsii: istoricheskaia glubina i tekhnologiia peredachi [Cultural memory in oral tradition: Its historical depth and transmission techonology]. In N. E. Kotel'nikova (Ed.). *Navstrechu Tret'emu Vserossiiskomu kongressu fol'kloristov* [Towards the Third All-Russian Congress of Folklorists], 9–15. Moscow: Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo fol'klora. (In Russian)

Olick, J. K., Robbins, J. (1998). Social memory studies: From "collective memory" to the historical sociology of mnemonic practices. *Annual Review of Sociology*, *24*, 105–140.

Petrov, N. V. (2016). Delo ob ispoline: istoriia narrativa, cheloveka i prazdnika [The case of the giant: a history of the narrative, the person and the festival]. In M. V. Akhmetova, N. V. Petrov, O. B. Khristoforova (Eds.). *Genius Loci: Sbornik statei v chest' 75-letiia S. Yu. Nekliudova* [Genius Loci: A collection of essays in honor of S. Yu. Nekliudov on the occasion of his 75th birthday], 404–434. Moscow: Forum. (In Russian)

Rubin, D. C. (1995). *Memory in oral traditions: The cognitive psychology of epic, ballads, and counting-out rhymes.* New York: Oxford Univ. Press.

Rubin, D. C. (2009). Oral traditions as collective memories: Implications for a general theory of individual and collective memory. In P. Boyer, J. V. Wertsch (Eds.). *Memory in Mind and Culture,* 273–287. New York: Cambridge Univ. Press.

Wertsch, J. V. (2008). Collective memory and narrative templates. *Social Research*, *75*(1), 133–156.

Zelizer, B. (1995). Reading the past against the grain: The shape of memory studies. *Critical Studies in Mass Communication, 12*(2), 214–239.

Zenkin, S. N. (2007). Moris Khal'bvaks i sovremennye gumanitarnye nauki [Maurice Halbwachs and contemporary humanities]. In M. Khal'bvaks. *Sotsial'nye ramki pamiati* [Social frameworks of memory], 7–24. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russian).

Garder, M. O. (2016). In search of the "mechanics" of collective memory transmission. *Shagi / Steps, 2*(4), 7–17